

дни года нараставшее, должно бы еще более развиться после войны, когда окончательно будет положен предел тем гегемоническим вожделениям и приемам, которые, не довольствуясь областью политики, давали себя чувствовать и в делах научных».

ПФА РАН. Ф. 6. Оп. 1. Д. 37. Л. 14–16 об.

**[Заметки к Платону. По поводу статьи Н. А. Морозова
«Лингвистические спектры»¹³ (фрагмент)]**

Plat. Conv. 189 E.

ὄλον ἦν ἑκάστων τοῦ ἀνθρώπου τὸ εἶδος στρογγύλον, ἄτον καὶ πλευρὰς κύκλῳ ἔχον, χεῖρας δὲ τέτταρας εἶχε, καὶ σκέλη τὰ ἴσα ταῖς χερσὶ, καὶ πρόσωπα δὴ ἐπ' ἀντιθέτῳ κυκλωτέρῃ ὁμοίως (προ ὁμοία) πάντη.

(л.1) Эти строки принадлежат речи, вложенной в уста Аристофана. Идея речи: любовное влечение одного человеческого существа к другому является потому, что всякое человеческое существо, взятое в отдельности, есть только часть целого, ищущая себе дополнения в другой части. В устах комического поэта идея принимает формы мифа, который, по-видимому, пародирует свойственное орфическим космогониям сочетание глубокомыслия с реалистической грубостью символической его оболочки. По этому мифу первоначально человеческая природа была вдвое сложнее, чем теперь: человеческий организм имел при одной голове два, обращенных в противоположные стороны лица, четыре уха, четыре руки, четыре ноги, два также обращенных в противоположные стороны αἰδοῖα. Испугавшись (л. 2) силы и дерзкой предприимчивости этих существ, Зевс рассек каждое из них надвое продольным сечением. Лицо и шею создавшихся таким образом существ Аполлон поворачивал в сторону плоскости сечения, чтобы человек смирялся, созерцая свою усеченность. Но каждое из этих существ, помня прежнюю целостность организма, половиной которого некогда было, стремилось срастись с другой половиной, и в истоме неудовлетворенного стремления они погибали. Зевс сжалился над ними и предпринял последнее преобразование человеческого организма: переместил еще некоторые органы ближе к плоскости сечения, т. е. к той стороне туловища, которая теперь была переднею. Благодаря этому перемещению (л. 3) удовлетвори-

¹³ [Морозов Н. А. Лингвистические спектры // Известия ОРЯС Имп. Академии наук. 1915. Т. 20. Кн. 4. С. 93–134. В этой работе была предпринята попытка путем статистического анализа распределения характерных слов и частиц в произведении какого-либо автора отыскать средство для отличия плагиата от истинного авторства. Анализ работы Морозова посвятил отдельную статью академик А. А. Марков, в которой провел аналогичные подсчеты и пришел к выводам, опровергавшим заключения Морозова: *Марков А. А.* Об одном применении статистического метода // Известия имп. Академии наук. 1916. Сер. 6. Т. 10. № 4. С. 239–242.]

ется стремление человеческих существ хотя частично и хотя на время из двух сделаться одним, ἐκ δυοῖν εἰς γενέσθαι.

В той части речи, которая описывает первоначальное устройство человеческого организма, читается: καὶ πρόσωπα δὲ ἐπ' αὐχένι κυκλωτερεῖ ὅμοια πάντῃ. (л. 4) Нет возможности объяснить, зачем Аристофану понадобилось бы предположение взаимного сходства двух лиц каждого из двуликих существ. Допуская такое сходство или общее сходство всех лиц первоначальных людей, Аристофановская теория генезиса человеческого организма сама себе без всякой нужды создавала бы затруднение, нисколько не делаясь от того более забавной. Ведь эта теория признает истонное существование различий пола и обстоятельно классифицирует три разновидности двуликих существ: в одних обе половины были мужскими, в других обе — женскими, в третьих одна мужской, другая женской.

(л. 5) Признак подобия ненужный и затруднительный для существительного πρόσωπα, вполне уместен при существительном αὐχένι. Эпитет κυκλωτερεῖ должен отличать формы тел первичного человеческого организма от тех, которые получились вследствие продольного его рассечения. Платоновский Аристофан, очевидно, хочет сказать, что плоская сравнительно поверхность теперешней затылочной части шеи явилась последствием рассечения. Эта особенность очертаний шеи представляется таким важным признаком преобразования человеческого организма путем рассечения одного целого на две половины, что Аристофан считает нужным после еще раз отметить обрубленность форм шеи и вместе предупредить возражение, почему же шея своей плоской частью (л. 6) обращена не в ту сторону, в которую обращена площадь сечения, образовавшая грудь и живот. Говоря, что Аполлон, по приказанию Зевса, повернул в сторону площади сечения лицо человека, комик прибавляет, что при этом была повернута и половинчатая шея¹⁴. В противоположность этой теперешней обрубленной с одной стороны форме шеи, шея первичного человека была округлою одинаково со всех сторон. Таков, как кажется, единственно возможный смысл, ожидаемый от последней части выше приведенного описания первичных форм человека. Но, чтобы действительно выражать этот смысл, она должна читаться так: καὶ πρόσωπα δὲ ἐπ' αὐχένι κυκλωτερεῖ ὁμοίως πάντῃ.

ὅμοια дают не только Платоновские рукописи во главе с одной из древнейших между всеми рукописями греческих классиков...

¹⁴ P. 190 E: τὸν Ἀπόλλων ἐκέλευεν τὸ τε πρόσωπον μεταστρέφειν καὶ τὸ τοῦ αὐχένος ἤμισιν πρὸς τὴν τομὴν... καὶ τὰλλα ἰᾶσαι ἐκέλευεν. Напрасно Sauppe считал слова καὶ — ἡμισιν подложной вставкой, а Vermehren изменял καὶ τὸ в κατὰ τὸ.

Трудно укадать, что хотел сказать автор «Лингвистических спектров», утверждая, будто «нигде нет» «средневековых копий» и подлинных рукописей Платона и что приписываемые Платону произведения имеются «лишь в печатных изданиях или в редких рукописях эпохи Возрождения». Так как из множества рукописей, сохранивших эти произведения, две значительнейшие и известнейшие восходят к IX в. и большинство остальных принадлежит тем векам, которые обыкновенно называют средними, а между Платоновскими папирусами есть усвояемые IV в. до н. э., то можно подумать, что автор, склонный к своеобразному словоупотреблению, называет средними веками времена Александра Македонского, а эпохой Возрождения — времена эллистов. В пользу такого предположения можно было бы сослаться на стр. 126 «Спектров», где в таблице 15 выражение английского оригинала «later authors», обозначающее древнегреческих писателей времен после Аристотеля, заменено выражением «Писатели эпохи Возрождения». Подтверждение тому же предположению можно было бы находить и в том примере уклонения от обычного словоупотребления, которое бросается в глаза на стр. 123, где вместо обыкновенного «как» для перевода союзов ὡς и καθὼς употреблены союзы потому что и так как. Но не все в «Спектрах» с этим предположением согласуется...

ПФА РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 201. Л. 1–6. Рукопись.